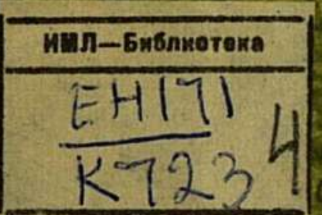
Троцкий Л.
Конституция
„освобожденцев".

С.Пб, 1906

Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

Н. Троцкій.

КОНСТИТУЦІЯ „ОСВОБОЖДЕНЦЕВЪ“.

Ц. 5 к.

ИЗДАНІЕ
Е. М. АЛЕКСѢЕВОЙ.
1906.

Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

Н. Троцкій.

КОНСТИТУЦІЯ „ОСВОБОЖДЕНЦЕВЪ“.

ИЗДАНІЕ
Е. М. АЛЕКСѢЕВОЙ.

Типографія т-ва «Общественная Польза», Б. Подъяческая, 39.

Послѣдній земскій съѣздъ отказался отъ идеи учредительнаго собранія. Онъ замѣнилъ его собраніемъ народныхъ представителей съ учредительными функціями „для выработки, съ утвержденія государя, конституціи Россійской имперіи". Учредительное собраніе оттолкнуло земцевъ своимъ политическимъ радикализмомъ, игнорированіемъ монархической традиціи, своимъ республиканскимъ запахомъ.

Въ сущности съѣздъ поступилъ только послѣдовательно Суворинъ писалъ какъ-то, что не было еще на свѣтѣ такого глупаго правительства, которое само созвало бы взамѣнъ себя учредительное собраніе. И это правда. Учредительное собраніе можно только вырвать. Земцы же всегда надѣялись на *октроированную*, высочайше дарованную конституцію. Самое большее—на такую конституцію, которая будетъ результатомъ *соглашенія* между ними, земцами, и короной. Ихъ идеаломъ является прусская палата соглашенія 1848 г. Правда, для обозначенія этого идеала они иногда прибѣгали къ имени учредительнаго собранія, которое соціалъ-демократія сдѣлала популярнымъ въ массахъ. Но революція придала идеѣ учредительнаго собранія острый характеръ, связавъ ее съ республикой. Земцы, которые не хотятъ республики, сочли себя вынужденными отказаться и отъ учредительнаго собранія.

Кто знаетъ исторію послѣдняго года, тому ясно, что отдѣльные демократическіе лозунги были навязаны земской

*

оппозиціи и прикомандированной къ ней освобожденской демократіи сознательными пролетарскими массами. При такихъ условіяхъ, очевидно, пролетаріатъ, для котораго всеобщее голосованіе—предметъ первой политической необходимости, и земщина, которая только мирится со всеобщимъ избирательнымъ правомъ изъ политическаго оппортунизма, совершенно не одинаково относятся къ своимъ требованіямъ: учредительному собранію и „собранію представителей съ учредительными функціями". Для пролетаріата его лозунгъ —лишь первый шагъ въ дѣлѣ демократическаго переустройства страны. Онъ хочетъ использовать учредительное собраніе, чтобы безпощадно изгнать соціально-политическое варварство изъ всѣхъ его священныхъ и вульгарныхъ убѣжищъ. Въ этой работѣ онъ не пожалѣетъ никакихъ усилій и не остановится ни предъ какими традиціями. Пролетаріатъ требуетъ демократической республики. Земщина же видитъ въ палатѣ соглашенія прежде всего орудіе успокоенія „страстей" и водворенія того, что на условномъ языкѣ буржуазныхъ классовъ называется порядкомъ: т. е. безпрепятственной, юридически оформленной, по возможности демократически обставленной эксплоатаціи массъ. Тотъ конституціонный строй, который земская партія проведетъ черезъ палату соглашенія, долженъ отвѣчать двойной цѣли: 1) онъ долженъ быть достаточно демократическимъ, чтобы служить дѣлу успокоенія массъ; 2) онъ долженъ быть достаточно антидемократическимъ, чтобы служить государственной запрудой для классовой борьбы пролетаріата. Конечно, это противорѣчіе. Но вѣдь вся либеральная мысль есть воплощенное противорѣчіе. Мы сейчасъ докажемъ это съ полной несомнѣнностью на анализѣ конституціоннаго творчества освобожденско-земской демократіи.

Въ качествѣ образца мы возьмемъ опубликованный г. Струве „Проектъ основного закона Россійской имперіи". Этотъ проектъ конституціи перепечатанъ газетой „Право"

(№ 21). Съ этимъ проектомъ очень близокъ проектъ передовой группы московскихъ гласныхъ (№ 21). Этотъ проектъ приложенъ, въ качествѣ образца, къ книгѣ „Конституціонное государство", составленной гг. Водовозовымъ, Карѣевымъ, Кудринымъ, Рейснеромъ, Лазаревскимъ, словомъ, демократами безъ страха и упрека изъ „Нашей Жизни", „Сына Отечества" и „Русскаго Богатства". То, что въ этомъ проектѣ дѣйствительно отъ демократіи, далеко еще не составляетъ общаго достоянія нашей либеральной мысли. Зато всѣ его реакціонныя составныя части составляютъ ея несомнѣннѣйшее и притомъ всеобщее достояніе. Наконецъ, мы не знаемъ другого болѣе демократическаго продукта конституціоннаго зодчества земской оппозиціи или прислуживающей ей освобожденской демократіи.

Все это даетъ намъ право остановиться на опубликованномъ г. Струве „Проектѣ основного закона", какъ на своего рода демократическомъ шедеврѣ,—и все это вмѣстѣ съ тѣмъ обязываетъ читателя помнить, что нижеслѣдующая критика сугубо и сугубо относится ко всѣмъ прочимъ конституціоннымъ проектамъ либеральной оппозиціи.

Вниманіе!

„1. Верховная власть россійской имперіи осуществляется императоромъ при участіи государственной думы".

Этотъ параграфъ устанавливаетъ не только монархическій, но въ сущности даже абсолютистскій принципъ: верховная власть осуществляется императоромъ; ему значитъ принадлежитъ суверенитетъ. Правда, онъ осуществляетъ свою верховную власть *при участіи* государственной думы; но это означаетъ лишь, что дума является однимъ изъ исполнительныхъ органовъ его суверенитета.

Чтобы пояснить это, сравнимъ съ монархической французской конституціей, вотированной въ сентябрѣ 1789 г. Первый параграфъ гласилъ: „Всякая власть исходитъ отъ народа и можетъ исходить только отъ него". Второй пара-

Все, что можетъ быть сохранено отъ абсолютизма— сохранено.

И послѣдній земскій съѣздъ поступилъ только послѣдовательно въ проведеніи принциповъ лжеконституціоннаго абсолютизма, когда отказался отъ учредительнаго собранія и выработку основныхъ законовъ народными представителями заранѣе поставилъ въ зависимость отъ согласія императора, обладающаго верховной властью.

Что же такое государственная дума, которой проектъ предоставляетъ „участіе" въ осуществленіи верховной власти?

„§ 36. Государственная дума дѣлится на двѣ палаты: земскую палату и палату народныхъ представителей".

Земская палата избирается губернскими земствами и городскими думами. Палата народныхъ представителей избирается гражданами *мужскаго пола*, на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Обѣ палаты равноправны.

Такимъ образомъ, верховная власть осуществляется въ дѣйствительности тремя факторами: 1) императоромъ, 2) народомъ, интересы котораго представлены „палатой *народныхъ* представителей", и 3) какой то третьей величиной, интересы которой представлены земской палатой. Что же это за таинственная третья величина, которую проектъ ставитъ на стражѣ демократическихъ интересовъ націи? Попробуемъ раскрыть ея конституціонный псевдонимъ.

§ 68 гласитъ, что „мѣстное самоуправленіе должно быть основано на всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ голосованіи". Это звучитъ очень хорошо. Каждое лицо,—читаемъ мы, однако, далѣе,—имѣющее право участія въ выборахъ въ палату народныхъ представителей (т. е. „лицо", какъ мы ужъ знаемъ, *мужскаго пола*), имѣетъ право такого же участія въ мѣстныхъ выборахъ, если оно прожило въ данномъ мѣстѣ, уѣздѣ или городѣ, опредѣленный срокъ, *не менѣе одного года*". Такъ просто примиряется всеобщее

избирательное право съ высокимъ цензомъ осѣдлости! Съ равнымъ основаніемъ § 68 могъ бы быть редактированъ такъ: думы и земства избираются на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія—за вычетомъ гражданъ, не владѣющихъ недвижимой собственностью. *Кого* выключаетъ цензъ осѣдлости, объ этомъ не приходится распространяться: онъ *прямо и непосредственно направленъ противъ класса наемнаго труда*, т. е. противъ самой демократической части населенія. Бѣднѣйшіе полупролетарскіе слои деревни, вынужденные къ сезоннымъ кочеваніямъ, также окажутся лишенными права муниципальныхъ выборовъ. Это ограниченіе прикрывается тѣмъ доводомъ, будто съ мѣстными интересами могутъ быть связаны лишь постоянные мѣстные жители. Какъ будто пролетарій не заинтересованъ въ томъ, чтобы найти всюду, куда его заброситъ судьба, дешевую квартиру, хорошую школу и необходимую медицинскую помощь! Какъ будто для того, чтобы сознательно принять участіе въ мѣстныхъ выборахъ, ему недостаточно знать, какую муниципальную программу поддерживаетъ кандидатъ каждой партіи! Какъ будто рабочая муниципальная программа въ своихъ основахъ не является общей для всей страны!

Дѣйствительный источникъ ценза осѣдлости кроется въ стремленіи имущей части населенія отстранить неимущую отъ распоряженія мѣстнымъ хозяйствомъ. При всеобщемъ избирательномъ правѣ отдѣльные муниципалитеты могутъ оказаться въ рукахъ пролетаріата, который, разумѣется, сдѣлаетъ все, что сможетъ въ рамкахъ буржуазнаго государства, чтобы поставить органы самоуправленія на службу нуждамъ народныхъ массъ. Какъ гарантія противъ этого, изобрѣтается цензъ осѣдлости,—волчій паспортъ, которымъ буржуазія снабжаетъ пролетаріатъ.

Такимъ образомъ, земская палата представляетъ собою представительство наименѣе подвижныхъ, т. е. наиболѣе

обезпеченныхъ и связанныхъ съ собственностью классовъ, притомъ представительство не *прямое*, а *двустепенное*, черезъ губернскія земскія собранія и городскія думы.

Эта конструкція *двухъ* выборныхъ и притомъ „демократическихъ“ палатъ (какая роскошь для *одной* конституціи!) сталкивается, однако, съ тѣмъ фактомъ, что у насъ, при введеніи конституціи въ жизнь, еще не будетъ демократизированныхъ (при помощи ценза осѣдлости) органовъ мѣстнаго самоуправленія Но проектъ мужественно разрѣшаетъ это затрудненіе. Въ отдѣлѣ „переходныхъ постановленій“ онъ разрѣшаетъ „на первый разъ“ избрать гласныхъ въ земскую палату отъ 34 губернскихъ земствъ, опирающихся на земское положеніе 1890 года, и думъ значительнѣйшихъ городовъ, обладающихъ драгоцѣннымъ городовымъ положеніемъ 1892 года. То есть, наряду съ представительствомъ народа и на равныхъ съ нимъ правахъ, проектъ ставитъ представительство дворянскаго землевладѣнія и городского домовладѣнія. Правда, проектъ прибавляетъ, что „не болѣе, чѣмъ въ *трехлѣтній срокъ* земская палата должна быть обновлена“, на охарактеризованныхъ выше „демократическихъ“ началахъ(§ 80). А что такое три года для народныхъ массъ, перенесшихъ вѣка крѣпостного права и полицейскаго абсолютизма! У народа широкая спина и здоровые нервы. Если демократія щедро обѣщаетъ ему двѣ демократическія палаты, онъ можетъ потерпѣть небольшой искусъ „временно-обязанныхъ“ отношеній.

Такова основа конституціоннаго зданія. Женщины начисто лишены избирательнаго права. Буржуазія представлена дважды: сначала въ „палатѣ народныхъ представителей“, затѣмъ въ земской палатѣ, причемъ имущей части націи въ отдѣльности дается столько же правъ, сколько и всей націи въ цѣломъ. Проектъ не ставитъ предъ собой и не разрѣшаетъ вопроса: что же будетъ, если палаты вступятъ въ конфликтъ по какому нибудь вопросу? На первый взглядъ

можетъ показаться, будто авторы проекта надѣются, что въ случаѣ, если палата земскихъ господъ выступитъ противъ нижней палаты, народъ вмѣшается въ распрю сверхъ-конституціоннымъ путемъ и дастъ понять засѣдающимъ наверху земскимъ „демократамъ“, что онъ совершенно не нуждается въ ихъ дальнѣйшихъ услугахъ. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Хотя „Проектъ“ изъ ложной стыдливости прямо и не говоритъ, кто будетъ судьей, если народъ разойдется съ буржуазіей, но косвенный отвѣтъ найти все же можно.

Но и этого мало. Если бы, несмотря на всѣ эти ограниченія, черезъ законодательное учрежденіе проходили еще какія либо мѣры въ пользу рабочаго класса, то на всякій случай надъ этимъ учрежденъ контроль такъ называемаго верховнаго суда. Такъ какъ конституція нигдѣ не говоритъ о выборности этого суда, то остается думать, что члены его будутъ назначаться „верховной властью“. Институтъ верховнаго суда заимствованъ изъ конституціи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и, нужно полагать, переносится на русскую почву освобожденцами именно въ виду той роли, которую онъ игралъ въ Америкѣ. А роль его сводится почти исключительно къ тому, чтобы не допускать изданія законовъ въ пользу рабочаго класса. Дѣло въ томъ, что, по конституціи, верховный судъ можетъ отмѣнять каждый законъ, вотированный конгрессомъ или палатою депутатовъ, разъ этотъ законъ, по мнѣнію верховнаго суда, противорѣчитъ основнымъ пунктамъ американской конституціи. И вотъ, верховный судъ неизмѣнно отмѣняетъ всѣ законы, ограничивающіе рабочій день, на томъ основаніи, что они ограничиваютъ „свободу“ личности, имѣющей право „свободно“ распоряжаться собою.

§ 32 (отдѣлъ „Объ императорской власти“) устанавливаетъ: „Императоръ можетъ.. распустить *палату представителей* съ тѣмъ, чтобы выборы были произведены въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ и палата въ новомъ составѣ

была созвана не позднѣе, какъ черезъ *шесть* мѣсяцевъ со со дня распущенія".

Такимъ образомъ, распущена можетъ быть только палата представителей; земская палата вовсе не подлежитъ распущенію. Только народъ можно временно отстранить отъ управленія собою; буржуазію отстранить отъ управленія народомъ никто не можетъ. Такимъ образомъ, часть не только приравнивается цѣлому, но ставится выше цѣлаго! Такъ далеко идутъ эти циники освобожденской „демократіи"!

Конституціонному построенію основного закона предшествуетъ декларація „основныхъ правъ гражданъ". Мы держимся того мнѣнія, что основныя права гражданъ гораздо лучше охраняются соотвѣтственно организованными учрежденіями (милиціей, судомъ присяжныхъ и пр.), чѣмъ абстрактными декларацiями. Если бы, тѣмъ не менѣе, демократія нашла нужнымъ еще разъ провозгласить права человѣка и гражданина, мы не стали бы, разумѣется, противъ этого спорить. Но на самомъ дѣлѣ въ отдѣлѣ „основныхъ правъ" мы находимъ не столько торжественное провозглашеніе неотъемлемыхъ правъ человѣка и гражданина, сколько неопредѣленную формулировку тѣхъ условій, при которыхъ эти права могутъ быть нарушены.

„9. Входъ въ частныя жилища, безъ согласія хозяевъ, а равно *обыски и выемки допускаются* лишь въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ".

Этотъ тезисъ, очевидно, не „обезпечиваетъ" неприкосновенность жилища, но лишь обусловливаетъ нарушенія этой „неприкосновенности". Онъ говоритъ лишь о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ „обыски и выемки *допускаются*".

„13. Русскіе граждане, достигшіе совершеннолѣтія, могутъ *въ общихъ предѣлахъ, установленныхъ закономъ*, свободно избирать и мѣнять мѣсто жительства. *Право* выѣзда за границу *можетъ быть ограничено* закономъ

лишь *постольку, поскольку* это необходимо для обезпеченія исполненія гражданами воинской повинности".

И такъ далѣе.

Эта жалкая декларація, явно приноровленная къ политическому желудку земской палаты, довольно точно копируетъ декларацію 1848 года, которую Марксъ характеризуетъ такими выразительными словами:

„Неизбѣжный комплексъ „вольностей" 1848 г., свободы личности, печати, слова, ассоціацій, собраній и т. д.— все это облеклось въ конституціонную броню, благодаря чему всѣ эти вольности дѣлались неуязвимыми. Именно, каждая изъ этихъ вольностей объявлена была безусловнымъ правомъ французскаго citoyen'а, но съ неизмѣнной оговоркой, что всѣ эти вольности абсолютны лишь постольку, поскольку онѣ не ограничиваются „равными правами прочихъ гражданъ и интересами общественной безопасности", или „законами", долженствующими споспѣшествовать водворенію такой гармоніи... Конституція, слѣдовательно, постоянно выставляетъ на видъ будущіе ограничительные законы, имѣющіе развить всѣ эти оговорки и регулировать пользованіе неограниченными вольностями... Каждый параграфъ конституціи заключаетъ въ себѣ собственную антитезу, свою собственную „верхнюю и нижнюю палату": съ одной стороны, мы видимъ общую фразу о свободѣ, а съ другой стороны—оговорку, упраздняющую свободу". („18-е брюмера", стр. 17).

Но наша декларація, эта тѣнь ничтожной тѣни, идетъ еще далѣе и ставитъ абсолютныя права человѣка на очную ставку съ военнымъ положеніемъ. „Никто не можетъ быть судимъ, гласитъ § 12, инымъ судомъ, кромѣ того, коему дѣло его по закону подлежитъ. *Чрезвычайные суды допускаются лишь въ мѣстностяхъ, находящихся на военномъ положеніи*".

А § 22 заключаетъ декларацію такимъ ударомъ похороннаго колокола: „закономъ могутъ быть установлены изъятія изъ дѣйствія статей 8, 13, 14, 16, 17, 21 настоящаго основного закона (объ арестахъ, о свободѣ передвиженія, слова, собраній, союзовъ и отвѣтственности чиновниковъ) для лицъ, состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ, и *для мѣстностей, находящихся на военномъ положеніи*“.

Какъ видимъ, каждый параграфъ имѣетъ не только свою нижнюю и верхнюю палату, но и свою военную диктатуру!

Какъ долго освобожденцы поправляли свое демократическое здоровье на всѣхъ курортахъ идеализма, какъ громко кричали они, что личность есть самоцѣль, что права ея извѣчны и абсолютны,—и все для чего?—для того, чтобы на первой же страницѣ своихъ конституціонныхъ начертаній выдать эту самодовлѣющую личность военно-полевому суду для сужденія по законамъ военнаго времени. Такимъ образомъ Одесса, Варшава, Кавказъ могутъ совершенно не прерывать преемственности и непосредственно изъ-подъ военной диктатуры абсолютизма перейти подъ военную диктатуру демократіи.

Правда, „Проектъ“ гласитъ, что „внѣ театра военныхъ дѣйствій военное положеніе можетъ быть вводимо лишь въ законодательномъ порядкѣ“. Этимъ какъ бы устанавливается пропасть между старой и новой практикой. Но такъ только кажется на первый взглядъ.

Мы уже знаемъ, что для проведенія какого нибудь акта законодательнымъ порядкомъ требуется согласіе двухъ палатъ. Право законодательной инициативы принадлежитъ каждой изъ нихъ. На первые три года, т.-е. именно на то время, когда еще нельзя надѣяться на успокоеніе народной смуты и когда, слѣдовательно, потребность въ умиротвореніи посредствомъ военной диктатуры будетъ у командующихъ классовъ очень сильна, верхняя палата отдается, какъ

мы видѣли, во власть дворянскому землевладѣнію и городской буржуазіи. Если такъ называемая демократія подъ грохотъ кавказской бомбардировки вводитъ въ свою конституцію параграфъ о военномъ положеніи, можно ли сомнѣваться въ томъ, что цензовая буржуазія не постѣсняется къ нему обратиться, какъ только станетъ у власти?

Нижняя палата можетъ, правда, отвергнуть законопроектъ о военномъ положеніи.

Допустимъ теперь, что верхняя палата предлагаетъ объявить Польшу на военномъ положеніи. Нижняя не соглашается. Ее распускаютъ съ приглашеніемъ возстановиться черезъ шесть мѣсяцевъ. Само собою разумѣется, распущеніе дѣлается не для того, чтобы ждать съ вопросомъ о военномъ положеніи полгода. Такія дѣла, разсчитанныя на внезапное спасеніе отечества, вообще не терпятъ отлагательства.

Итакъ, народъ отосланъ домой, земцы въ согласіи съ короной объявляютъ Польшу на военномъ положеніи. Вопросъ рѣшенъ. Правда, черезъ полгода придется отдавать отчетъ передъ представителями народа. Но вѣдь это будетъ только черезъ полгода! А за такой срокъ много можетъ утечь крови подъ варшавскими и лодзинскими мостами... И во всякомъ случаѣ черезъ полгода у правительственной реакціи будетъ то преимущество, что она представитъ народной палатѣ не законопроектъ военнаго положенія, а совершившійся фактъ: умиротворительный разгромъ цѣлой страны. Законопроектъ можно бросить въ корзину, а совершившійся фактъ нельзя отмѣнить даже „законодательнымъ порядкомъ“.

И наконецъ, зачѣмъ ограничивать себя только Польшей? Почему не забросить арканъ военнаго режима—на твердомъ основаніи „демократической“ конституціи — на всѣ безпокойныя мѣста, гдѣ можно ждать нежелательныхъ выборовъ? И тогда еще вопросъ, какъ посмотрятъ на правитель-

ственное дѣяніе представители, избранные народомъ подъ солдатскими штыками при полномъ отчужденіи всѣхъ „неотчуждаемыхъ“ правъ!

Итакъ, конституція, столь счастливо объединяющая демократическихъ строителей изъ „Освобожденія“, „Права“, „Русскаго Богатства“ и „Сына Отечества“, даетъ въ руки реакціи превосходное и испытанное средство военнаго положенія. Какія же средства даетъ она народу для охраненія его правъ? Правда, въ отдѣлѣ объ императорской власти мы читаемъ, что императоръ приноситъ присягу въ соблюденіи и охраненіи основного государственнаго закона,—и это совершается въ присутствіи святѣйшаго синода, который такимъ образомъ сохраняетъ значеніе государственнаго установленія,—какъ православіе вообще сохраняетъ значеніе государственной религіи. Подъ угломъ зрѣнія нравственнаго идеализма, философской религіи освобожденцевъ, присяга, конечно, очень серьезная гарантія. Но мы только что имѣли случай видѣть, какъ мало идеализмъ гарантируетъ самихъ идеалистовъ отъ измѣны дѣлу демократіи.

Мы видѣли, какъ горделивая демократическая мысль, исходящая изъ чистой идеи естественнаго права, падаетъ на колѣни предъ традиціей и ставитъ надъ суверенной націей наслѣдственнаго монарха!

Мы видѣли, какъ абсолютная справедливость, для которой равенство—извѣчный постулатъ, предательски отдаетъ народъ подъ опеку буржуазіи!

Мы видѣли, какъ идеалистическая личность, обнаженная отъ всѣхъ гарантій, похотливо падаетъ на ложе военной диктатуры!

Поэтому будемъ сдержаны и не станемъ считать религіозную или философскую присягу гарантіей народныхъ правъ. Потребуемъ *реальныхъ* гарантій. Тщетно, однако, стали бы мы шарить въ освобожденскомъ „проектѣ основного закона“. Этотъ жалкій идейный ублюдокъ, преду-

сматривающій все: квартиры для избирательныхъ бюро, часы подсчета голосовъ и казенную печать на избирательномъ конвертѣ,—не предусматриваетъ только организаціонныхъ гарантій свободы и народныхъ правъ!

Правда, можно сказать, что основныя права гражданъ обезпечиваются отъ нарушенія: а) судебной властью; б) отвѣтственностью должностныхъ лицъ; в) постояннымъ участіемъ народнаго представительства въ осуществленіи законодательной власти; г) отмѣной такъ называемаго административнаго права.

Разсмотримъ эти гарантіи, долженствующія обезпечивать народныя права отъ произвольныхъ *нарушеній*.

Но прежде всего попытаемся выяснить, что можно считать дѣйствительной, реальной гарантіей.

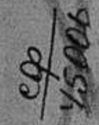
„Уложеніе о наказаніяхъ", само по себѣ, не представляетъ никакой рѣшительно гарантіи для собственности и жизни. Статьи уложенія сами по себѣ не имѣютъ никакой мистической власти надъ нарушителями собственности или убійцами. Но за этими статьями стоитъ матеріальная организація полиціи, судовъ и тюремъ. Уничтожьте эту организацію и „уложеніе" будетъ такъ же мало обезпечивать жизнь и достояніе, какъ и сборникъ рецептовъ поваренной книги. „Уложеніе о наказаніяхъ" получаетъ свое значеніе *формальной* гарантіи лишь постольку, поскольку оно опирается на эту *матеріальную* „гарантію".

Съ этой единственно реалистической точки зрѣнія становится яснымъ, что „*отмѣна административнаго права*", какъ мѣра чисто-юридическаго характера, не можетъ играть роли матеріальной гарантіи противъ незаконныхъ и насильственныхъ правонарушеній.

„*Участіе народнаго представительства*" въ законодательной власти, т. е. привлеченіе въ столицу нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, избранныхъ народомъ, само по себѣ тоже не составляетъ какой нибудь реальной конституціон-

ной гарантіи. Прежде всего, „участіе“ представителей можетъ ограничиться ролью молчаливыхъ или протестующихъ свидѣтелей творимыхъ насилій. Наконецъ, сегодня призванные къ участію, они завтра могутъ быть отстранены отъ него. Какая же это гарантія?

Отвѣтственность должностныхъ лицъ по суду за нарушенія законовъ и правъ гражданъ при соотвѣтственной организаціи *судебной власти* несомнѣнно можетъ служить надежной гарантіей противъ частыхъ правонарушеній, совершаемыхъ отдѣльными чиновниками. Но она, очевидно, не можетъ охранить гражданъ отъ государственнаго переворота. Правительство, которое ставитъ своей задачей ниспроверженіе конституціонныхъ основъ, не будетъ, разумѣется, остановлено страхомъ предъ судами, охраняющими существующія конституціонныя права. Гораздо болѣе реальную гарантію въ этомъ отношеніи представляетъ *выборность чиновниковъ народомъ*, но объ этомъ кардинальнѣйшемъ демократическомъ требованіи наши проекты не говорятъ ни слова. А между тѣмъ ясно, что только выборный полицейскій, бюрократическій и судебный персоналъ, періодически обновляемый, способенъ невыродиться въ постоянную организованную угрозу народнымъ правамъ и интересамъ.

Но если выборная бюрократія и не станетъ активной силой государственнаго переворота, то сама по себѣ она, разумѣется, не въ состояніи охранить народъ отъ вооруженныхъ покушеній на его права. Самой лучшей администраціи останется лишь скрестить руки, когда власть будетъ передана боевымъ генераламъ. Протесты и постановленія самыхъ энергичныхъ прокуроровъ останутся безсильными, когда изъ свиты побѣдоносныхъ генераловъ выдѣлятся военные суды. Исторія 48-го года прекрасно знаетъ, какъ это дѣлается.

Какой же выводъ слѣдуетъ изъ сказаннаго?

Простой и ясный. Народное представительство, отвѣтственная бюрократія и независимый судъ должны опираться на матеріальную силу. Такую постоянную, увѣренную въ себѣ силу можетъ представить только *вооруженный народъ*. Вотъ почему требованіе распущенія постоянной, искусственно дрессированной арміи и замѣны ея народной милиціей должно стоять во главѣ угла всякой истинно-демократической программы. Милиція—это дѣйствительная реальная гарантія и народоправства, и правъ личности. Никакая декларація, хотя бы она была не въ примѣръ рѣшительнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ трусливое, озирающееся освобожденское твореніе, не можетъ обезпечить народу его правъ, если она не опирается на его организованную силу.

Что же по этому вопросу даетъ намъ „проектъ основного закона“? Онъ даетъ намъ, какъ мы выше видѣли, цѣнный по своей опредѣленности отвѣтъ: „Императору принадлежитъ, читаемъ мы въ отдѣлѣ „объ императорской власти“, верховное начальствованіе сухопутными и морскими вооруженными силами Россійской державы. Онъ производитъ въ чины. Всѣ военныя и военно-морскія должности замѣщаются или имъ, или лицами, ему подчиненными“.

Такимъ образомъ, сохраняется постоянная армія, это страшное орудіе порабощенія цѣлаго силою порабощенной части. Мало того: постоянная армія по прежнему считается въ рукахъ лица, ни предъ кѣмъ не отвѣтственнаго, стоящаго надъ конституціей. Это нечто иное, какъ абсолютизмъ, прикрытый ширмами демократіи. Можно было бы, въ сущности, не подвергать критикѣ ни вопроса о двухъ палатахъ, ни вопроса объ избирательной системѣ,—достаточно поставить вопросъ о постоянной арміи или милиціи, чтобы сразу выяснить цѣнность освобожденской конституціи.

Эта конституція—организованный заговоръ буржуазіи съ короной, опирающейся на штыки, пулеметы и пушки. Основныя права и гарантіи, парламентарный режимъ, отвѣтственное министерство—все превращается въ пустой звукъ, разъ армія остается въ рукахъ короны,—да какой короны?—еще ни на минуту не прекращавшей практики самовластія.

Таковы освобожденцы за конституціонной работой. Если-бъ русская свобода должна была зависѣть отъ освобожденцевъ,—лучше-бъ ей тогда не родиться на свѣтъ!

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на большую соціалдемократическую газету

„НАЧАЛО“

при ближайшемъ участіи: **П. Б. Аксельрода, М. С. Балабанова, Б. Б. Веселовскаго, С. А. Волкенштейна, Д. М. Герценштейна, Ф. Дана, Л. Г. Дейча, В. И. Засуличъ, Н. И. Іорданскаго, Х. Инсарова, Л. Н. Клейнборта, О. А. Когана, А. М. Коллонтай, Кольцова, Б. Н. Кричевскаго, А. Е. Лосицкаго, В. Львова, Л. Мартова, Мартынова, П. П. Маслова, П. Нежданова, М. Панина, Парвуса, Г. В. Плеханова, Х. Раппопорта, Е. Смирнова, Старовѣра, (А. Н. Потресова), С. Н. Салтыкова, Я. В. Стефановича, Ст. Струмилина, Н. Троцкаго, В. Ф. Тотоміанца, Тучапскаго, А. Ю. Финна-Енотаевскаго, И. В. Чернышева, С. Юшкевича и др.** Изъ иностранныхъ писателей обѣщали свое содѣйствіе: **В. Адлеръ, А. Бебель, К. Каутскій, Роза Люксембургъ, Фр. Мерингъ и Клара Цеткинъ.**

Наша газета—органъ революціоннаго пролетаріата.

Пролетаріатъ Россіи своей самоотверженной борьбой открылъ намъ поле свободнаго слова—мы свое свободное слово несемъ на службу пролетаріату Россіи. Мы стоимъ на почвѣ программы Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи. Своею цѣлью мы ставимъ вести впередъ трудящіеся классы народа въ революціонной борьбѣ, не удовлетворяясь никакими уступками и пользуясь каждымъ пріобрѣтеніемъ, чтобы укрѣпить революціонную армію и расширить революціонныя требованія. Будить политическое сознаніе эксплуатируемыхъ массъ, установлять между ними духовную связь и соединять съ ними идейно всѣхъ честно чувствующихъ и смѣло думающихъ людей—вотъ наши средства борьбы.

Пролетаріатъ Россіи сталъ авангардомъ революціонной соціалистической арміи всего міра. Являясь глашатаями россійскаго пролетаріата въ его борьбѣ за свое освобожденіе, мы служимъ интересамъ угнетенныхъ классовъ всего міра. Наша борьба находитъ откликъ въ ихъ борьбѣ, а ихъ борьба могучимъ откликомъ отзовется на нашихъ революціонныхъ успѣхахъ. Да здравствуетъ **свободное** слово!

Главная Контора газеты (**С.-Петербургъ, Невскій, уголъ Николаевской, № 73—2**) открыта въ будни отъ 10 до 5 час., въ праздники отъ 1 до 3 час.

Пріемъ по дѣламъ редакціи—въ конторѣ отъ до час. дня.

Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Варшавѣ, Ригѣ, Екатеринославѣ, Ростовѣ н/Д., Екатеринодарѣ, Саратовѣ, Казани, Вильнѣ, Харбинѣ, Баку, Ревелѣ, Минскѣ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

Въ Россіи:	на годъ— 8 р.,	на ½ года— р.,	на 3 мѣс.—2 р.,	на 1 мѣс.—85 к.
За-границу:	„ 20 р.,	„ „ „ 10 р.,	„ „ „ 5 р.,	„ „ „ 2 р.

За перемѣну адреса: на иногородній 40 коп., на городской—20 коп. Цѣна отдѣльнаго номера—5 коп.

Плата за объявленія за строку: на 1 страницѣ—60 к., на четвертой—20 к. (банковъ и т. п. учрежд.—25 к.), предложеніе труда—по 10 к. Книгопродавцы, коммиссіонерскія конторы и т. п. могутъ удерживать въ свою пользу 5% съ подписной цѣны на любой срокъ

Издатель—С. Н. Салтыковъ. Редакторъ-издатель—Д. М Герценштейнъ